
РОССИЯ КАК РЕАЛЬНОСТЬ

Вариативность моделей современной городской многодетности: возрождение традиции, новые браки или сетевые эффекты?¹

О.Н. БОРИСОВА*, И.В. ПАВЛЮТКИН**

***Ольга Николаевна Борисова** – научный сотрудник, Лаборатория «Социология религии», Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный университет. Адрес: 115184, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23б. E-mail: onborisova@socrel.ru

****Иван Владимирович Павлюткин** – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория «Социология религии», Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный университет. Адрес: 115184, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23б. E-mail: euhominid@gmail.com

Цитирование: Борисова О.Н., Павлюткин И.В. (2019) Вариативность моделей современной городской многодетности: возрождение традиции, новые браки или сетевые эффекты? // Мир России. Т. 28. № 4. С. 128–151. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-128-151

В настоящее время исследования многодетных семей формируют достаточно ограниченный взгляд на эту социальную группу, поскольку не учитывают ее внутреннюю гетерогенность. Между тем многодетные семьи могут различаться как в категориях родства, так и в структуре семейных отношений. Анализ основных социально-демографических показателей, используемых для описания многодетных семей, показывает, что они не являются однородными и могут различаться по таким признакам, как количество детей, интервал рождений и стабильность брака. Настоящее исследование основано на данных опроса 502 многодетных семей в нескольких регионах России. С помощью иерархического кластерного анализа на основании показателей, отражающих вариативность рождаемости и паттернов брака, в исследовании выявляются типы многодетных семей. Также авторы определяют ключевые причины их формирования и устойчивости. В исследовании обнаружены 5 устойчивых моделей, характеризующих следующие типы многодетных семей: планирующий, традиционный, новый религиозный, формальный и многодетность в повторном браке. Выделенные типы дополнительно различаются с помощью факторов, определяющих рождаемость и брак: образование, религиозность и параметры социаль-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-10089). Организация выполнения проекта – Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный университет.

ных сетей. При объяснении моделей многодетных семей особое внимание уделяется социальной составляющей религиозности, способствующей стабильности брака и увеличению рождаемости.

Ключевые слова: многодетная семья, модели многодетности, рождаемость, религиозность, религиозная социализация, социальный капитал

Введение

В общем массиве публикаций, тематически связанных с вопросами организации семейной жизни и рождаемости, существует весьма ограниченный набор, касающийся исследования типов современных многодетных семей и причин перехода к многодетности [Шевченко И.О., Шевченко П.В. 2005]. Известны универсальные статистические данные об общей доле многодетных и уровне их концентрации в тех или иных регионах страны. Например, утверждается, что 82% многодетных попадают в число бедных, а количественные показатели располагаемых материальных ресурсов оказываются значительно ниже средних показателей по населению в целом [Воронин 2016; Прокофьева, Куприянова 2009]. Вместе с тем отсутствуют социологические данные, позволяющие охарактеризовать ее как социальную группу, выделить свойства, а также выявить признаки, указывающие на сходства или различия типов многодетности. В имеющихся работах многодетные семьи чаще всего определяются как обобщенная гомогенная группа с характерным низким уровнем социально-экономического благосостояния, выступающим важной категорией для мер социальной и психологической поддержки [Безрукова 2008; Лазуренко, Мазурова, Намазова-Баранова 2012]. В итоге можно утверждать, что о современной многодетности мы знаем крайне мало, и этот образ связывается либо с «обочиной» общественного развития, либо с низким качеством жизни [Вовк 2007; Ярская-Смирнова 2010].

Вместе с тем современная городская многодетность представляет собой сложное явление, интересное для изучения по двум причинам. Во-первых, в условиях распространенной нормы двудетности [Малева, Тындик 2013] и среднего уровня рождаемости, достигающего 1,6² рождений, семьи с тремя и более детьми уже выделяются на фоне остальных семей, перешагивая такую социальную норму. Однако на фоне общего спада рождаемости отсутствуют исследования, объясняющие, почему современные городские семьи все-таки осуществляют переход к жизни с несколькими детьми. Во-вторых, многодетность также указывает на отклонение от общей нормы брачности-разводимости, поскольку в России каждый второй брак заканчивается разводом, почти половина из которых происходят в первые 5 лет брака³. Такая информация позволяет утверждать, что в значительной доле случаев многодетные семьи представляют собой особого рода «отфильтрованную» группу

² Демография // Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

³ Браки и разводы в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/prez_love0707.pdf

семей, которая отличается от остального населения как по показателям детности, так и по критерию устойчивости брака. Иными словами, современная большая семья – это не только и не столько определенный тип мотивации и поведения в сфере рождаемости, но и особый тип брачного поведения. Акцентирование внимания лишь на одном из этих признаков не позволяет понять причины формирования этой группы, а также уловить вариативность моделей многодетных семей.

Цель данной работы заключается в том, чтобы пролить свет на многообразие моделей современной городской многодетности и выделить ключевые признаки, лежащие в основе формирования данного типа семей. Статья построена следующим образом. В первой части текста обсуждаются факторы, влияющие на дифференциацию многодетности. Во второй части описаны данные, используемые для анализа вариативности моделей многодетных семей, а также методы и процедура анализа (кластерный анализ). Далее приведены результаты кластерного анализа и дана содержательная интерпретация кластеров на основании сравнения их по нескольким признакам, обсуждаемым в исследованиях факторов, которые влияют на рождаемость: уровень образования, религиозность, размер социальной сети, ценность брака, социально-экономическое положение. Текст заканчивается обсуждением разнообразия моделей современной городской многодетности и вклада различных факторов в ее формирование.

Многодетность как демографическое и социальное явление

Формальное определение многодетной семьи⁴ включает как семьи, в которых в единственном браке рождается трое детей со средним интервалом рождений в 5 лет, так и семьи, в которых пятеро детей объединяются в результате двух разводов, снижая средний интервал рождений до 2,5 лет. Если в ходе модернизации общества вариативность моделей родительства и супружества начинает увеличиваться, то становится сложно говорить о многодетной семье как о гомогенной социальной группе, поскольку она включает семьи с разными моделями перехода и различными контекстами семейной жизни. Феномен устойчивого брака с несколькими детьми представляется в теориях модернизации как элемент остатка традиции, высокой религиозности общества, отсутствия свободы выбора, незначительного отношения к идее культурной эволюции [Инглхарт 2018]. Исследователи рождаемости обычно останавливаются на вопросах определения факторов первых или вторых, но не третьих и последующих рождений, что может быть связано как с небольшой долей таких рождений, так и с определенными установками самих ученых, которые не позволяют вписать многодетность в существующие теории демографического перехода, культурной модернизации или социальной нормы детности [Norris, Inglehart 2011; Van de Kaa 1996; Малева, Тындиц 2013]. Достаточно редко можно встретить работы, посвященные изучению третьих и последующих

⁴ Многодетной семьей обычно считают семью, состоящую из супругов и хотя бы трех детей. С законодательной точки зрения, это понятие более подвижно, для социальной политики важен также возраст детей – их несовершеннолетие, а также зависимость от региона страны (в некоторых регионах порог может начинаться от 4–5 детей). Кроме этого, многодетной семьей может быть и семья с одним родителем.

рождений [Westoff, Potter 2015], а исследования больших семей (6 и более детей) и вовсе являются исключением [Bossard, Boll 1975]. Лишь в небольшом количестве работ показано, что факторы третьих рождений существенно отличаются от факторов первых и даже вторых рождений [Balbo, Mills 2011; Berghammer 2009].

В литературе, предлагающей разные модели объяснения рождаемости и устойчивости брака, обсуждается набор факторов, которые имеют значение для дифференциации многодетности: религиозность, образование, опыт родительской семьи, отношения в браке, социальное окружение. Если сам список этих факторов оказывается сегодня конечным, то отдельный интерес представляют также и направления связи между этими факторами и признаками семьи и рождаемости, в том числе когда речь заходит об изучении современной большой семьи.

Родительская семья. Анализируя причины многодетности, прежде всего следует остановиться на воспроизводстве моделей родительской семьи. Поскольку основные установки относительно собственной семьи и деторождения формируются во многом под влиянием родительской семьи, нельзя отрицать ее роль и в процессах формирования новых семей [Mönkediek, Bras 2018; Rijken, Liefbroer 2009], однако такое влияние может быть двунаправленным. Часто говорится о прямом перенимании родительского опыта – например, вероятность развода у детей повышается, если у родителей был развод [Wolfinger, Kowaleski-Jone, Smith 2003], а количество детей в родительской семье имеет значимое влияние на вероятность третьего и последующих рождений [Pikalkova 2003]. В то же время может быть и обратная реакция, когда происходит инверсия родительского опыта. Например, дети из малодетных или разведенных семей стремятся к созданию большой крепкой семьи [Забаяев, Емельянов, Павленко, Павлюткин 2012], стараясь преодолеть негативно оцениваемый опыт собственных родителей. Помимо непосредственно формирования образа семьи, родительская семья является источником не только материальной, но и эмоциональной, ресурсной помощи и поддержки, что может позитивно сказываться на желании родить ребенка [Buhler, Philipov 2005].

Отношения в браке. Для осуществления рождений высоких порядков отдельное значение играют характер и особенности отношений между супругами. Наблюдается линейная связь между стабильностью брака, уверенностью в супруге и рождением вторых и третьих детей [Малева, Синявская 2006], а ненахождение в союзе на момент рождения ребенка оказывает негативный эффект на последующие рождения [Pinnelli, De Rose, Di Giulio, Rosina 2000]. В то же время стоит отметить, что само по себе рождение ребенка является одним из факторов снижения риска развода, эффект которого уменьшается по достижении ребенком шести лет [Чурилова, Гутина 2014]. Нестабильность союзов имеет прямое негативное влияние на появление детей первого, второго и третьего порядка, в то время как создание нового союза благоприятствует рождением [Pinnelli, De Rose, Di Giulio, Rosina 2000].

Таким образом, брак имеет определяющее значение при рассмотрении многодетности, в частности, именно поэтому необходимо обратить особое внимание на роль мужчины-отца [Борисова 2017; Павлюткин 2011]. В семейных отношениях важность включения мужчины признается как в снижении нагрузки на женщину и уменьшении соответствующего напряжения между работой и домом, так и в предоставлении дополнительной уверенности/гарантий, снижении неопределенности для женщины, что положительным образом сказывается на рождениях [McDonald 2000].

Отдельно следует остановиться на роли брака еще в одном отношении. С одной стороны, стабильность и устойчивость союза способствуют новым рождениям, однако в ситуации, когда большое количество семей распадается, переход к дудетности, а тем более трехдетности, оказывается затруднен [Coppola, Di Cesare 2008]. В то же время в этих условиях создается реальность нового типа рождаемости – *multipartnered fertility* [Carlson, Furstenberg 2006; Cherlin, Furstenberg 1994]. Иными словами, вступление в новый союз рассматривается как потенциальный источник рождений [Захаров, Чурилова, Агаджанян 2016].

Социальное окружение. Наряду с доминирующими теоретическими перспективами, концентрирующимися, с одной стороны, на идеационных, с другой стороны, на экономических силах, определяющих рождаемость, в последние годы свое развитие получает идея социальной укорененности фертильного поведения [Bernardi, Klärner 2014; Keim 2011; Голева, Павлюткин 2016]. Решение о рождении перестает быть автономным, оказывается зависимым и происходит благодаря социальным механизмам сетей – «заражению», поддержке, обучению и давлению [Bernardi, Klärner 2014]. Особенную роль они приобретают в условиях слабости социально-экономических институтов поддержки [Di Giulio, Bühler, Ette, Fraboni, Ruckdeschel 2012; Шмейнберг 2009; Сунявская 2010]. Утверждается, что развитость социальной сети семьи, ее характеристики способны влиять на репродуктивное поведение. Семья в данном случае рассматривается как особая социальная система, включающая и внутренние отношения (между супругами, детьми и поколениями), и внешние (с расширенной семьей и социальным окружением). Так, рождения в среде сверстников и друзей способны увеличить вероятность рождений в ближайшие два года [Balbo, Barban 2014], а рождение ребенка у ближайших родственников способствует более быстрому старту деторождения [Lyngstad, Prskawetz 2010]. Более того, социальные сети и окружение могут опосредовать влияние прочих факторов, ключевых для теорий рационального принятия решений и ценностных сдвигов: например, они позволяют объяснить влияние образования и религиозности как факторов включенности в определенную сеть отношений [Голева, Павлюткин 2016].

Образование и религиозность считаются двумя наиболее существенными факторами, которые вносят вклад в ценностные сдвиги и, как результат, в демографические изменения и модели брачности. При этом, как показывают исследования, они влияют на характеристики рождаемости и брака противоположным образом. Традиционно сам факт получения женщиной высшего образования стабильно связывался с более низкими показателями рождаемости [Martin 1995]. Во-первых, продолжительный срок получения образования, последующее применение его на рынке труда, построение карьеры отодвигают основные события жизненного цикла, такие как создание семьи и рождение детей, что показано на примере разных стран Европы [Balbo, Billari, Mills 2013; Isen, Stevenson 2010]. В итоге это приводит как к снижению общего уровня рождаемости, так и минимизации рождений более высокого порядка. Во-вторых, включение женщин в высшее образование ведет к усвоению новых идей и ценностей, увеличивает спектр возможных стилей жизни, способствует независимости женщины, выводя ее за пределы сугубо традиционных ролей. Выход женщины на рынок труда и профессиональная самореализация также увеличивают интервалы между рождениями. Вместе с тем

известны работы, которые доказывают ориентацию на большее число рождений в более образованных парах, хотя и с временным лагом [Kravdal, Rindfuss 2008]. Получение высшего образования может влиять на модель брака, когда женщина скорее выходит замуж за более образованного мужчину, что способствует повышению уровня жизни и имеет эффект для осуществления нескольких рождений [Oppenheimer 1994].

Религия до сих пор выдвигается на первый план при объяснении рождения нескольких детей в семье и устойчивости брака. Разные признаки религиозности оказывают положительное влияние на все показатели, связанные с рождением и браком: вероятность рождения последующего ребенка, идеальное и желаемое количество детей, а также стабильность брака [Donati 2014; Lehrer 2004; Philipov, Berghammer 2007; Waite, Lehrer 2003; Забаев, Мелкумян, Павлюткин, Пруцкова, Орешина 2013]. Статистически численность детей выше в религиозных семьях, чем в нерелигиозных, что показано на примере ряда стран Западной и Восточной Европы, при этом имеет значение эффект деноминации [Heineck 2012; Peri-Rotem 2016; Карабчук, Кечетова 2017; Рощина 2018]. Религия может влиять на рождаемость разными способами, снижая издержки на рождение и воспитание детей, что наблюдается в католических странах [Berman, Iannaccone, Ragusa 2018], или опосредуя общение между разными семьями с детьми в случае православных приходов [Забаев, Орешина, Пруцкова 2014]. Она выступает своеобразной площадкой, источником социальных сервисов, важным институтом по поддержке семьи [Врублевская 2016; Berman, Iannaccone, Ragusa 2018], предоставляющим альтернативу имеющимся мерам государственной политики. Религия создает условия как для обмена ресурсами, так и для снижения неопределенности за счет демонстрации позитивного опыта и создания собственных институтов поддержки семьи. Следует обратить внимание на такой аспект религиозности, как опыт религиозной социализации, в ходе которой происходит усвоение ценностей и выработка представлений относительно семьи и деторождения [Berghammer 2009; Пруцкова 2015]. Причем данная характеристика имеет большее значение для мужчин, нежели для женщин, в том числе при реализации определенных моделей рождаемости [Berghammer 2009].

Между тем влияние религии на общества, переживающие процессы секуляризации и десекуляризации, оценивается по-разному. Например, в обществах, подвергшихся форсированной секуляризации (советского типа) в отличие от естественной, воздействие религии на рождаемость практически не заметно именно в силу отсутствия религиозной социализации, хотя в среднем, надо признать, количество рождений и доля многодетных выше среди практикующих верующих [Забаев, Мелкумян, Павлюткин, Пруцкова, Орешина 2013].

Заметим, что, обсуждая вклад разных факторов, речь обычно идет о рождениях более высокого порядка, но не превышающих появления третьего ребенка. Более того, сами факторы вступают в некоторое противоборство друг с другом. Например, социальная политика противостоит укорененности в социальных отношениях, а эффект образования – религиозности. Все это требует новой рамки для понимания того, что же представляют собой многодетные семьи. Мы полагаем, что именно на пересечении нескольких признаков можно зафиксировать различные типы многодетных семей, и на их примере увидеть роль данных факторов для деторождения.

Источник и метод анализа данных

Основой представленного исследования служат данные формализованного опроса родителей в многодетных семьях. Исследование проводилось в нескольких регионах страны, которые имеют низкие показатели рождаемости и доли многодетных. Наша задача состояла в том, чтобы исследовать современные многодетные семьи, проживающие в крупных городах. Опрос был проведен в трех федеральных округах (ЦФО, ДФО, СЗФО)⁵. Всего было собрано 1117 анкет. Мы не утверждаем, что данный опрос репрезентирует всех многодетных родителей внутри городов определенных федеральных округов. В самом опросе было несколько точек входа и доступа к родителям в многодетных семьях: ассоциации и организации многодетных семей, церковные приходы, знакомства многодетных семей. Такой способ организации опроса дал возможность собрать массив данных, в котором отсутствует доминирование одного из признаков, отвечающих за многодетность, будь то религиозность, бедность или образованность, и, как показывают распределения по базовым социально-демографическим признакам, нам удалось реализовать этот шанс.

Итоговая выборка включала в себя 502⁶ пары (1004 индивида соответственно). По основным социально-демографическим характеристикам они распределились следующим образом. В парах, вошедших в исследование, насчитывалось от трех до шестнадцати детей (в среднем 3,7), средний интервал между рожденьями составляет 4,3 года. Средний возраст женщин 36,8 лет, мужчин – 39,5 лет. Четверть респондентов хотя бы раз была в разводе, в то же время 70% пар включают супругов с единственным браком. Половина респондентов посещают богослужения раз в год и реже, треть – чаще раза в месяц, при этом исповедуются и причащаются хотя бы раз в месяц 17%. В венчанном браке состоят треть пар. 12 пар являются семьями священнослужителей. Высшее образование есть у 52% женщин и 44% мужчин. Почти четверть семей описывает свое материальное положение как высокое, а 16% утверждают, что приходится ограничивать себя даже в ежедневных расходах. В 45% пар женщины не работают, примерно пятая часть мужчин занимают руководящие позиции, и 20% занимают рабочие должности.

Для первичной типологизации многодетных семей было принято решение использовать кластерный анализ. В качестве метода выбран иерархический кластерный анализ, поскольку он не только позволяет свободно работать с любым типом шкалы переменных, но также и преодолевает недостатки других видов кластеризации (*k-means*, *two-step*): не требует нормального распределения признаков, позволяет работать с различными формами связи между наблюдаемыми признаками. Тем не менее предварительно пары были отсортированы в случайном порядке, поскольку данный метод чувствителен к порядку респондентов.

⁵ Опрос родителей в многодетных семьях был реализован АНО «Социологическая мастерская Задорина». При сборе данных использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента РФ от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ. Подробнее о проекте: <http://socrel.pstgu.ru/RU/grants/fertility-and-ssn>

⁶ Мы объединили анкеты супругов и рассматривали пару как единый объект.

Итоговые переменные, включенные в анализ, имеют следующий вид:

1) развод – дихотомическая переменная (0 – ни один из супругов не состоял в разводе; 1 – хотя бы один из супругов состоял в разводе);

2) количество детей⁷ – порядковая шкала (3, 4, 5, 6, 7+ детей);

3) средний интервал рождений – интервальная переменная (min=0,42; max=9,5)⁸.

Мы построили несколько моделей. Все шкалы рассматривались в анализе как категориальные, и объединение данных происходило по принципу оценки схожести профилей. В качестве метода оценки расстояний для номинальных шкал был выбран метод хи-квадрат. Далее мы рассмотрели модели с использованием различных методов объединения: методы ближнего и дальнего соседа, методы межгрупповой и внутригрупповой связи. Поскольку в ИКА отсутствуют статистические критерии качества итоговой модели, кластеры выделялись по наличию «скачков» в агломерационной таблице, а затем оценивались графически, по наполненности и содержательно (таблица 1).

Таблица 1. Агломерационная таблица формирования кластеров

Шаг	Объединение кластеров		Коэффициенты	Шаг, на котором кластер появляется впервые		Следующий шаг
	Кластер «1»	Кластер «2»		Кластер «1»	Кластер «2»	
1	456	502	0,000	0	0	404
2	494	501	0,000	0	0	8
...	...	...	...	...	...	...
493	2	11	0,260	478	488	497
494	6	36	0,312	492	473	499
495	3	14	0,344	487	486	499
496	26	43	0,356	490	489	500
497	2	9	0,389	493	491	498
498	1	2	0,524	484	497	500
499	3	6	0,528	495	494	501
500	1	26	0,671	498	496	501
501	1	3	0,864	500	499	0

⁷ Вопросы, общие для пары в целом (например, количество и возраст детей, венчание и др.), оценивались по женским ответам.

⁸ Следует отдельно отметить, что мы также использовали переменные с различными типами шкал. Так, результаты моделей с рассмотрением количества детей как интервальной переменной оказались неудовлетворительными в связи с «прерванностью» (начинается от 3) шкалы и малой наполненностью больших значений (от 8 и выше). Также переменная развода рассматривалась как порядковая (не было разводов, был развод у одного из супругов, оба супруга были в разводе) и номинальная (не было разводов, мужчина был в разводе, женщина была в разводе, оба были в разводе). Однако мы столкнулись с проблемой содержательного обоснования разницы между «мужским» и «женским» разводами.

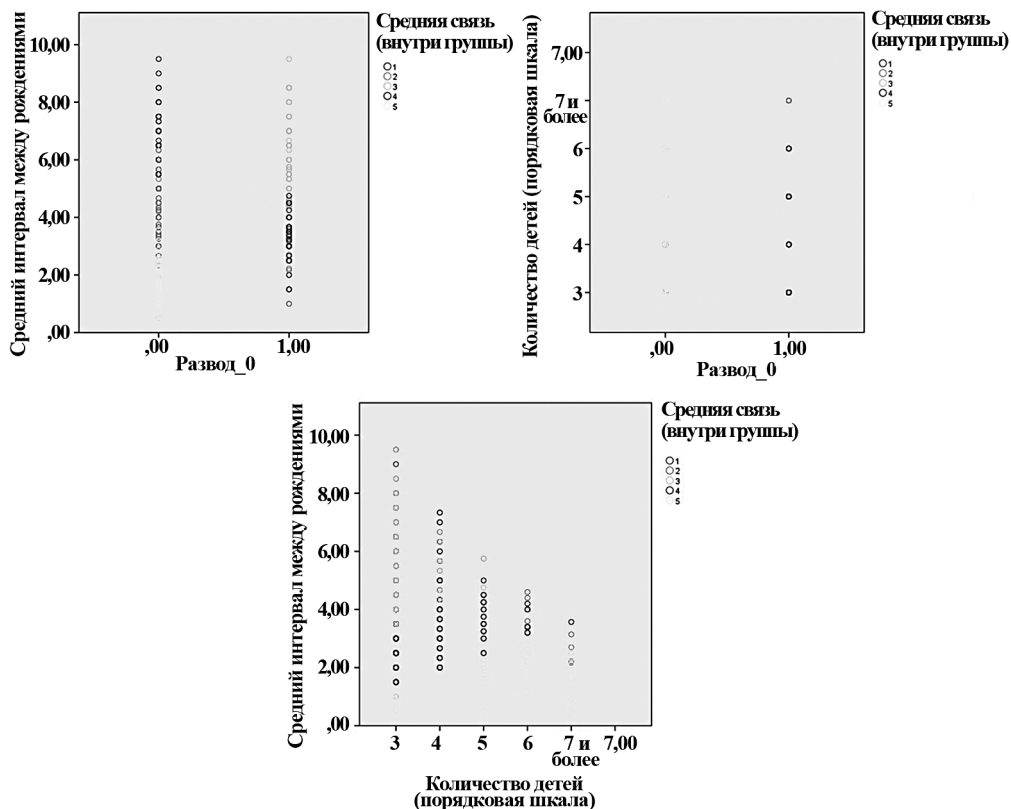

Рисунок 1. Распределение кластеров в трехмерном пространстве

Характеристики полученных кластеров представлены в *таблице 2*.

Таблица 2. Переменные в основании кластеров

Кластеры	Кластер «1»	Кластер «2»	Кластер «3»	Кластер «4»	Кластер «5»	
Отсутствие развода	100%	95,3%	0%	0%	100%	
Количество детей	3	94,9%	59,9%	81,5%	53,2%	17,0%
	4	5,1%	25,5%	14,1%	19,1%	13,2%
	5	0%	8,5%	4,3%	21,3%	22,6%
	6	0%	3,8%	0%	6,4%	17,0%
	7+	0%	2,4%	0%	0%	30,2%
Средний интервал рождений	6,29 лет	3,53 лет	5,83 лет	3,23 лет	1,93 лет	
Размер кластера (N)	98	212	92	47	53	

В результате мы остановились на модели с использованием метода внутригрупповой связи для объединения данных, позволяющей оценивать расстояния как между объектами разных кластеров, так и внутри кластеров. В данном случае мы получили наполненные кластеры (один кластер составляет менее 10% от общего числа пар), а также графически кластеры распределились «разумно» и содержательно обоснованно. На основании агломерационной *таблицы 1* можно увидеть, что первый значительный «скачок» происходит на 498-м шаге, что является основанием для выделения пяти кластеров. Принцип формирования кластеров в трехмерном пространстве исследуемых переменных наглядно представлен на графиках (*рисунок 1*).

Кластер «1» характеризуется высокой долей многодетных семей с тремя детьми (95% семей). Одновременно он включает семьи с самым длинным интервалом рождений, превышающим 6 лет и высокой стабильностью браков. В этом кластере полностью отсутствуют семьи с опытом разводов. Для сравнения: кластер «5», который также отличается стабильным единственным браком, почти наполовину состоит из многодетных семей с шестью и более детьми, а средний интервал рождений не превышает 2 лет. Кластер «2» имеет своей отличительной особенностью большой средний интервал рождений по сравнению с кластером «5» (3,5 года) и содержит небольшую долю многодетных семей, имеющих опыт развода. По сравнению с кластером «1» он характеризуется гораздо меньшим интервалом рождений и большим количеством детей. Кластеры «3» и «4» полностью состоят из пар, где хотя бы один из супругов был в разводе. При этом в кластере «4» можно обнаружить большее количество детей с меньшим интервалом рождений, в то время как кластер «3» по своим показателям близок к «1».

Далее мы дадим названия перечисленным кластерам и рассмотрим их вариации в соответствии с основными показателями, выделенными в ходе теоретического обзора:

- *уровень образования* (переменная, отражающая наличие высшего образования у каждого из супругов);
- *религиозность* (измерена через несколько показателей, отражающих как нормативную, так и социальную сторону религии; включает вопросы о практиках (частоте посещения богослужений, исповеди и причастия, венчания), религиозной социализации, а также знакомства со священниками);
- *социально-экономическое положение* (во внимание принималась субъективная оценка материального положения и статус занятости супругов);
- *социальная сеть семьи* (родительская семья (наличие и количество сиблингов, многодетные среди родственников), социальные связи (количество многодетных семей среди знакомых), социальная активность (участие в деятельности общественных организаций)).

Классификация многодетных на основе кластерного анализа

Сравнение выделенных кластеров по переменным, влияющим на рождаемость и устойчивость брака, позволило охарактеризовать пять видов городских многодетных семей: «традиционные многодетные», «новые религиозные многодетные», «планирующие многодетные», «многодетные во втором браке», «формальные многодетные». В нижеследующих таблицах были собраны основные результаты сравнения кластеров.

«Традиционные многодетные» (кластер «5»)

Данный кластер представлен семьями, где супруги состоят в единственном браке; средний интервал рождений минимален и составляет менее 2 лет, при этом почти половина пар имеют более шести детей, у 30% пар как минимум семь детей. В этих семьях рождения происходят часто и много, причем отношения между супругами весьма крепкие. Касательно кластера «5» имеет смысл говорить о традиционной многодетности, обусловленной как религиозной социализацией родителей, общими установками и практиками религиозной жизни, так и опытом родительской семьи (таблица 3).

Таблица 3. Религиозность и ценностные ориентации для кластеров, %

№	Переменные	Кластеры						
		«1»	«2»	«3»	«4»	«5»		
	Название кластеров	«Планирующие многодетные»	«Новые религиозные многодетные»	«Формальные многодетные»	«Многодетные во втором браке»	«Традиционные многодетные»		
3.1	Доля венчанных браков	27,6	39,8	20,9	22,2	58,5		
3.2	Посещение религиозных служб	Ж	никогда	17,3	13,7	15,2	23,4	7,5
			раз / мес. и чаще	23,5	37,3	27,2	23,4	67,9
		М	никогда	33,7	19,8	34,8	38,3	17,0
			раз / мес. и чаще	13,3	27,4	19,6	14,9	54,7
3.3	Посещение религиозных служб в 12 лет (раз в месяц и чаще)	Ж	7,1	14,2	9,8	8,5	24,5	
		М	2,0	8,5	7,6	2,1	17,0	
3.4	Родители не должны планировать рождение детей, нужно положиться на Бога (не согласен)	Ж	50,0	34,9	40,3	49,0	32,0	
		М	54,1	42,5	48,9	40,5	20,7	
3.5	Недопустимо рожать детей, если семья не имеет для этого достаточные материальные условия (согласен)	Ж	27,5	26,8	38,0	27,7	15,1	
		М	34,7	37,3	35,8	29,8	13,2	
3.6	Если пара несчастлива в браке, развод вполне допустим, даже если в семье есть дети (согласен)	Ж	39,8	41,1	69,5	51,0	26,4	
		М	43,9	33,5	50,0	51,1	11,4	

В целом кластер «5» наиболее религиозный: более 50% посещают богослужения раз в месяц и чаще, лишь 10% женщин и 15% мужчин никогда не исповедовались и не причащались. Почти четверть представителей кластера составляют протестанты, чем можем объяснять нетотальную долю венчанных браков. Важным является и тот момент, что почти у четверти женщин был опыт религиозной социализации, то есть они регулярно посещали храм в детстве, что сильно выделяет этот кластер на фоне других. Также в трети семей оба супруга являются выходцами из многодетных семей, а в 77% случаев хотя бы один из супругов имел как минимум двух сиблингов. По сравнению с другими кластерами менее 40% супругов имеют высшее образование; уровень материальной обеспеченности относительно невысок, члены этих семей чаще других берут в долг и включены в широкую сеть дарообмена [Врублевская 2016]; 50% женщин кластере «5» не работают, а 11% составляют семьи священнослужителей⁹.

В данном случае, с одной стороны, многодетность представляется результатом воспроизводства модели родительской семьи: больше половины респондентов сами являются выходцами из многодетных семей, и среди родственников и знакомых также есть многодетные семьи. С другой стороны, происходит это не только благодаря перениманию опыта, но и под влиянием усвоенных религиозных ценностей и определенного образа жизни: 60% респондентов полагают, что родители не должны планировать детей и следует положиться на Бога. И именно в этом отношении роль родительской семьи в передаче многодетности оказывается важнее, чем неформальная помощь и поддержка.

В то же время эти семьи обладают достаточно развитой социальной сетью контактов: в их окружении большое количество многодетных семей, они могут рассчитывать на их помощь в различных жизненных ситуациях. Интересно отметить, что эти семьи и сами часто вовлечены в общественную жизнь: 90% как мужчин, так и женщин принимают участие в деятельности хотя бы одной организации, поддерживающей семьи с детьми. Иными словами, подобная семья оказывается сама по себе социально генеративной, способной к созданию социальных благ, и может выступать не только реципиентом, но и донором [Donati 2014].

Семья для представителей кластера «5» обладает достаточной ценностью, а отношения между супругами отличаются высоким уровнем доверия и поддержки: в 55% пар оба супруга могут положиться друг на друга во всех вопросах. На фоне всех остальных кластеров этот результат особенно выделяется и свидетельствует не только о многодетности, но и стабильности семьи как таковой.

Таким образом, данный кластер представляется классическим образцом многодетности, демонстрирующим влияние нескольких как социально-экономических (образование и доход), так и ценностных и сетевых (религиозность и опыт родительской семьи) факторов. Действительно, для создания и существования больших (более пяти детей) многодетных семей данные характеристики имеют важное значение. В то же время в условиях дестабилизации института семьи и утраты традиции они, скорее, выступают некоторыми локальными и редкими островками стабильности, возможными только в условиях поддерживающей социальной среды.

⁹ О значении семьи священника в формировании общины приходских семей см.: [Емельянов 2019].

«Новые религиозные многодетные» (кластер «2»)

Подавляющее число пар кластера «2» состоит в единственном браке, 40% имеют более четырех детей со средним интервалом рождений 3,5 года. Среди всех кластеров уровень образования супругов в этом кластере самый высокий: 57% женщин и 47% мужчин с высшим образованием. Данный кластер материально наиболее обеспеченный (таблица 5), хотя половина женщин, включенных в кластер «2», не работает. В то же время этот же кластер занимает второе место по уровню религиозности: 40% пар состоят в венчанном браке, и почти столько же посещают богослужения раз в месяц и чаще, несмотря на то, что религиозная социализация в детстве отсутствовала.

Обращает на себя внимание, что кластер «2» частично обладает чертами кластеров «1» и «5». Минимальное количество разводов и высокий уровень образования дополняются относительно высоким уровнем религиозности наряду с отсутствием религиозной социализации в прошлом и значительных отличий от других кластеров по ценностному аспекту. При этом средний интервал рождений не очень велик, 40% семей воспитывает четырех и более детей. В то же время именно этот кластер является наиболее многочисленным. Удивительно, что при высоком уровне образования, который обычно соответствует семьям с малым количеством детей, кластер представлен многодетными семьями более чем с тремя детьми. Объясняющим фактором здесь, вероятно, становится та самая религиозность, которая каким-то образом преодолевает негативное влияние прочих факторов и способствует многодетности, однако, в отличие от кластера традиционных многодетных, религиозность этих семей не обусловлена религиозной социализацией или усвоением опыта родительской семьи. Вероятно, многодетность в данном случае связана не столько с приходом в церковь и дальнейшим переосмыслением установок относительно деторождения, сколько с влиянием церковной социальной среды, в которую они погрузились.

У представителей кластера «2» шире второй круг социальных связей: они могут обратиться за помощью (помимо семьи и близких) к знакомым, коллегам по работе и другим многодетным семьям, причем четверть пар имеют возможность обратиться как минимум к двум представителям этого круга (таблица 4). Таким образом, можно предположить, что в данном случае наиболее объемный кластер не связан напрямую с религиозностью, а оказывается подвержен действию механизмов социального обучения и помощи.

«Планирующие многодетные» (кластер «1»)

Данный кластер выделяется тем, что во всех парах супруги состоят в единственном браке; преимущественно в семье растут трое детей, при этом средний интервал рождений самый большой среди всех кластеров и достигает 6 лет. Мы полагаем, что в этом случае многодетность является результатом нового этапа отношений и отчасти рационального отношения к рождению нового ребенка, учитывающего наличие материальной основы, поддержки со стороны родителей, выдерживание

пауз между рождениями (чтобы младшие дети пошли в школу и стали более самостоятельными, а рождение очередного ребенка не повредило отношениям супругов). Так, пары в этом кластере обладают средним уровнем обеспеченности, чаще других в конце месяца делают сбережения; половина женщин и 46% мужчин получили высшее образование. Вместе с тем кластер «1» является самым возрастным: 70% женщин находятся в возрасте старше 36 лет. Это позволяет говорить, что наиболее активный репродуктивный возраст у них завершен, и активные рождения в дальнейшем (особенно принимая во внимание и средний интервал прошлых рождений) ожидать не приходится. В 90% случаев респонденты утверждают, что чувствовали поддержку со стороны родителей при рождении третьего ребенка (таблица 4). У многих в окружении среди друзей есть многодетные семьи, но их количество невелико (всего 1–2 пары), в то же время оба супруга достаточно настороженно относятся к людям.

Таблица 4. Показатели семейного и социального капитала в кластерах, %

№	Переменные	Кластеры					
		«1»	«2»	«3»	«4»	«5»	
	Название кластеров	«Планирующие многодетные»	«Новые религиозные многодетные»	«Формальные многодетные»	«Многодетные во втором браке»	«Традиционные многодетные»	
4.1	Респондент из многодетной семьи	Ж	28,6	35,8	29,3	27,7	50,9
		М	31,6	33,0	38,0	29,8	60,4
4.2	Среди родственников нет многодетных семей	Ж	45,9	45,8	46,7	44,7	37,7
		М	43,9	45,8	42,4	44,7	26,4
4.3	10 и более многодетных семей среди друзей	Ж	2,0	15,1	8,7	6,4	28,3
		М	2,0	10,3	8,7	0,0	32,0
4.4	Чувствовали поддержку со стороны родителей (собственных или супруга), когда рожали третьего (и последующих) детей (Ж)		90,8	72,2	63,0	63,8	71,7
4.5	Оба супруга могут положиться друг на друга во всех вопросах ¹⁰		30,6	34,4	26,1	25,5	54,7

Можно констатировать, что многодетность в этих семьях имеет весьма растянутое во времени обоснование. Сравнительно длительные интервалы между рождениями и также небольшое количество детей при стабильной экономической

¹⁰ Пары, в которых оба супруга в качестве ответа на вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько Вы можете положиться на своего супруга/партнера?» указали вариант «могу положиться во всех вопросах».

ситуации семьи, вероятно, указывают на важную роль планирования рождений, которое осуществлялось при поддержке со стороны ближайших родственников, что является дополнительным ресурсом с точки зрения преодоления неопределенности, а также обеспечения благосостояния домохозяйства. Вместе с тем далеко не каждая семья, обладающая данными характеристиками, становится многодетной. Мы полагаем, что ключевое значение здесь имеют отношения между супругами, а многодетность становится результатом развития их качества. Интересно отметить, что интервал 6 лет, с точки зрения вероятности развода, становится некой ключевой точкой, и рождение снижает риск развала семьи, однако он повышается по мере достижения ребенком 6 лет [Чурилова, Гутина 2014]. Оценка респондентами мер социальной политики и поддержки семьи со стороны государства также становится значимым аспектом в планировании рождения ребенка: для 70% семей важным оказался материнский капитал на второго ребенка, для 39% – возможность получения земельного участка (в остальных кластерах данные оценки менее выраженные).

Таблица 5. Социально-экономические характеристики кластеров, %

№	Переменные	Название кластеров	Кластеры				
			«1»	«2»	«3»	«4»	«5»
			«Планирующие многодетные»	«Новые религиозные многодетные»	«Формальные многодетные»	«Многолетние во втором браке»	«Традиционные многодетные»
5.1	Уровень образования (есть высшее)	Ж	51,0	57,1	50,0	44,7	39,6
		М	45,9	46,7	40,2	40,4	37,7
5.2	Субъективная оценка материального положения (Ж)	высокое ¹¹	21,4	27,8	18,5	23,4	18,9
5.3	Что касается экономических ресурсов, в конце месяца ваша семья обычно (Ж):	делает некоторые сбережения	27,4	17,5	14,7	26,6	17,1
		вынуждена брать в долг	10,5	12,5	22,0	12,5	25,7
5.4	Женщина не работает (домохозяйка и т.д.)		36,7	50,0	40,2	38,3	56,6
5.5	Какие из нижеперечисленных мер стали для вашей семьи существенной поддержкой со стороны государства? (Ж)	материнский капитал	72	71	65	64	57
		льготы, субсидии на оплату ДДУ	45	49	37	60	53

¹¹ Респонденты, выбравшие следующие ответы на вопросы о материальном положении семьи: 1) «достаточно обеспечены материально, но для покупки автомобиля и дорогостоящего отпуска пришлось бы залезть в долги» и 2) «материально обеспечены, можем позволить себе дорогостоящий отпуск и покупку автомобиля».

«Формальные многодетные» (кластер «3»)

В данном случае многодетность обусловлена, главным образом, вторым браком. Вторые и третьи рождения (четыре и более ребенка для этих семей не характерны), вероятно, были связаны с желанием родить ребенка от нового супруга. Во всех парах кластера «3» хотя бы один из супругов был в разводе, при этом в абсолютном большинстве случаев (81%) пара воспитывает трех детей; средний интервал рождений составляет более 5 лет; уровень материальной обеспеченности ниже среднего, они чаще других берут в долг (*таблица 5*). Данный кластер – второй по доле мужчин из многодетных семей (38%). Здесь респонденты меньше чувствовали поддержку со стороны родителей при рождении третьего ребенка; 29% вообще не могли рассчитывать на помощь с их стороны. Отсутствие родительской поддержки при рождении ребенка является характерным для семей с повторным браком, так же как и более низкие показатели по доверию между супругами (в сравнении с «безразводными» кластерами). В этом кластере 70% женщин и 50% мужчин считают, что если пара несчастлива в браке, то развод вполне допустим, даже если в семье растут дети (*таблица 3*); больше 35% согласны с утверждением, что недопустимо рожать детей, если не созданы достаточные материальные условия. В то же время кластер «3» является более религиозным по сравнению с кластером «4». Респонденты этого кластера в основном проживают в Москве, Санкт-Петербурге и Калининграде.

«Многодетные в новом браке» (кластер «4»)

В кластере «4» мы, с одной стороны, имеем дело с формальной многодетностью: у супругов был развод, в трети случаев – у обоих; с другой стороны, среди них достаточно велика доля пар, имеющих пять и более детей при относительно невысоком возрасте женщин. Сравнивая с кластером «3», можно утверждать, что представители этого кластера придают браку большую ценность. Очевидно, что первый брак был менее продолжительным, а основные рождения происходили уже во втором браке. Интересно, что если просмотреть ответы на вопрос о том, как они пришли к многодетности, некоторые респонденты прямо указывали на то, что вступили во второй брак и хотели родить общего ребенка.

Во всех парах кластера «4» хотя бы один из супругов был в разводе, при этом по сравнению с кластером «3» здесь выше доля разводов с участием только мужчины – 32 против 19% соответственно. 28% пар имеют пять и более детей с относительно небольшим интервалом рождений 3,2 года, и достаточно большое количество рождений приходится на текущий брак. Уровень образования обоих супругов относительно невысок: лишь 45% женщин и 40% мужчин имеют высшее образование. Материальная обеспеченность несколько выше, чем в кластере «3»; пары в кластере «4», также, как и в кластере «1», чаще других делают сбережения (*таблица 5*). Это самый молодой кластер, и в то же время наблюдается наибольшая средняя разница между супругами по возрасту (4,5 года): 60% женщин находятся в возрасте от 22 до 35 лет, мужчины по возрасту близки кластеру «2». Данные семьи

схожи с семьями кластера «3», поскольку меньше остальных чувствуют поддержку со стороны родителей при рождении третьего ребенка. Кластер нерелигиозный: 40% мужчин вообще никогда не посещали богослужения (таблица 3). В отличие от других, 60% женщин данного кластера позитивно оценивают роль льгот при посещении детьми дошкольных учреждений.

Заключение

На основании рассмотренных кластеров многодетность можно представить в виде своеобразной системы координат, где на одном полюсе шкалы располагаются многодетность как следствие развода и создания новых отношений, а на другой – традиционная многодетность.

Кластеры, связанные с новыми браками, сложно различать по отдельности, поскольку недостаточно данных для объяснения их специфики, и вполне возможно, что содержательно нет смысла проводить четкое разграничение между ними в отношении многодетности. Тем не менее на фоне большой доли разводов в современной России данный тип семьи может становиться достаточно распространенным [Захаров, Чурилова, Агаджанян 2016].

Рождаемость в традиционных многодетных семьях определяется опытом родительской семьи, а также ценностной составляющей, связанной с особым отношением к деторождению. Эти семьи представляют собой редкое исключение, нехарактерное для современного города и страны и сохраняющееся в условиях определенных типов приходов, глубоко внедрившиеся в их жизнь [Забаев, Мелкумян, Павлюткин, Пруцкова, Орешина 2013].

Еще одним распространенным типом многодетности является многодетность, связанная с особым устройством отношений между супругами и структурой семьи. Данный тип может появиться только в условиях стабильности и надежности со стороны социально-экономического компонента, он основан на достаточно рациональном подходе к деторождению. При этом в расчет принимаются не только условия для рождения нового ребенка, но и доступность помощи и поддержки со стороны окружения (в первую очередь родительской семьи), и потенциальное влияние ребенка на стабильность брака. Сама устойчивость брака и то, что он единственный, указывают на важность и ценность семьи для таких индивидов, что и способствует деторождению. В этом случае число детей редко превышает три ребенка.

Особый интерес для нас представляет кластер «2», который мы назвали «новыми религиозными». Дело в том, что с точки зрения экономической теории домохозяйства в данном случае существует несколько переменных, таких как образование и уровень дохода, которые работают на рационализацию рождений. В то же время в этом кластере низкие показатели религиозной социализации, и многодетность не связана с опытом родительской семьи. Формально говоря, среди респондентов из этого кластера не стоит ожидать большого количества рождений, однако они происходят. И причиной тому является религиозность, выраженная в социальных сетях и взаимодействиях. Поскольку по мере секуляризации религиозность в чистом виде оказывает все меньшее воздействие на фертильное поведение, нет оснований полагать, что она пересиливает рационализирующие факторы. Тем не

менее она не только действует через механизм социальных сетей, но и преломляет действие прочих факторов. В частности, представители кластера «2» могут обладать абсолютно разными социально-экономическими и демографическими характеристиками. В то же время сами факторы могут играть неоднозначную роль: наличие высшего образования может соответствовать различным кластерам – будь то многодетность как следствие разводов или многодетность как результат качественных отношений между супругами. Однако роль социального окружения оказывается действенной вне зависимости от принимаемых в расчет показателей. Социальные отношения как реальный способ преодоления неопределенности, образец поведения и ресурс помощи представляют собой гораздо более интересный признак при анализе факторов порождения многодетности. Именно они дают возможность наиболее действенно реализовать установки, заложенные родительской семьей, религией или иными институтами.

Литература

- Безрукова О.Н. (2008) Многодетные семьи: жизненная ситуация // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. №1. С. 100–114.
- Борисова О.Н. (2017) Отцовская вовлеченность: индивидуальные и межстрановые различия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6(142). С. 260–283.
- Вовк Е. (2007) Многодетность как ценность и практика: образы многодетных семей // Социальная реальность. № 1. С. 33–46.
- Воронин Г.Л. (2016) Многодетные семьи в России: уровень социально-экономического благосостояния // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE). Вып. 6. М.: ВШЭ. С. 164–181.
- Врублевская П.В. (2016) Круговорот детских вещей в приходской церкви: к вопросу о значении дарообмена // Религиоведческие исследования. № 1. С. 103–127.
- Голева М.А., Павлюткин И.В. (2016) Социальные сети и рождаемость // Экономическая социология. Т. 17. № 1. С. 83–98.
- Емельянов Н.Н. (2019). Значение семьи православного священника в пастырском служении: богословский подход // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. № 82. С. 34–50.
- Забаев И.В., Емельянов Н.Н., Павленко Е.С., Павлюткин И.В. (2012) Семья и деторождение в России. Категории родительского сознания. М.: ПСТГУ.
- Забаев И.В., Мелкумян Е.Б., Павлюткин И.В., Пруцкова Е.В., Орешина Д.А. (2013) Влияние религиозной социализации и принадлежности к общине на рождаемость. Постановка проблемы // Демоскоп Weekly. № 553–554 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0553/analit03.php>
- Забаев И.В., Орешина Д.А., Пруцкова Е.В. (2014) Социальный капитал русского православия в начале XXI в.: исследование с помощью методов социально- сетевого анализа // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. Т. 32. № 1. С. 40–66.
- Захаров С., Чурилова Е., Агаджанян В. (2016) Рождаемость в повторных союзах в России: позволяет ли вступление в новый супружеский союз достичь идеала двухдетной семьи? // Демографическое обозрение. Т. 3. № 1. С. 35–51.
- Инглхарт Р. (2018) Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль.
- Карабчук Т.С., Кечетова А.П. (2017) Количество детей и семейные ценности: существуют ли когортные различия в Европе? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5(141). С. 251–270.

- Лазуренко С.Б., Мазурова Н.В., Намазова-Баранова Л.С. (2012) Многодетная семья: медико-психолого-педагогический аспект изучения // *Российский педиатрический журнал*. № 2. С. 51–57.
- Малева Т.М., Синявская О.В. (2006) Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // *SPERO*. № 5. С. 70–98.
- Малева Т.М., Тындик А.О. (2013) Потенциал роста рождаемости в России: уроки мегаполиса // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 1(17). С. 137–158.
- Павлюткин И.В. (2011) Отцовство. Роль мужчины в планировании рождений // *Человек*. № 2. С. 124–131.
- Прокофьева Л.М., Куприянова Е.И. (2009) Многодетная семья в России // *Демоскоп Weekly*. № 373–374 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema03.php>
- Пруцкова Е.В. (2015) Связь религиозности и ценностно-нормативных показателей: фактор религиозной социализации // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение*. № 3(59). С. 62–80.
- Рощина Я.М. (2018) Роль религии в жизни россиян // *Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMSHSE)*. Вып. 8. М.: ВШЭ. С. 100–112.
- Синявская О.В. (2010) Социальный капитал и гендерное равенство в объяснении рождаемости в России // *Демоскоп Weekly*. № 421–422 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0421/analit02.php>
- Чурилова Е.В., Гутина Д.Д. (2014) Развод родителей: причины, влияние на ребенка и на взаимоотношения родителей и детей. Теоретический обзор. *Демоскоп Weekly*. № 615–616 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0615/analit03.php>
- Шевченко И.О., Шевченко П.В. (2005) Большая семья – какая она? // *Социологические исследования*. № 1. С. 95–101.
- Штейнберг И.Е. (2009) Процесс институционализации сетей социальной поддержки в межсемейных и дружеских обменах // *Экономическая социология*. Т. 10. № 2. С. 62–75.
- Ярская-Смирнова Е.Р. (2010) «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской семейной политики // *Женщина в российском обществе*. № 2. С. 14–25.
- Balbo N., Barban N. (2014) Does Fertility Behavior Spread among Friends // *American Sociological Review*, vol. 79, no 3, pp. 412–431.
- Balbo N., Mills M. (2011) The Effects of Social Capital and Social Pressure on the Intention to Have a Second or Third Child in France, Germany, and Bulgaria, 2004–05 // *Population Studies*, vol. 65, no 3, pp. 335–351.
- Balbo N., Billari F.C., Mills M. (2013) Fertility in Advanced Societies: a Review of Research // *European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*, vol. 29, no 1, pp. 1–38.
- Berghammer C. (2009) Religious Socialisation and Fertility: Transition to Third Birth in the Netherlands // *European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*, vol. 25, no 3, pp. 297–324.
- Berman E., Iannaccone L.R., Ragusa G. (2018) From Empty Pews to Empty Cradles: Fertility Decline among European Catholics // *Journal of Demographic Economics*, vol. 84, no 2, pp. 149–187.
- Bernardi L., Klärner A. (2014) Social Networks and Fertility // *Demographic Research*, vol. 30, no 22, pp. 641–670.
- Bossard J.H., Boll E.S. (1975) *The Large Family System: an Original Study in the Sociology of Family Behavior*, Westport: Greenwood Press.
- Bühler C., Philipov D. (2005) Social Capital Related to Fertility: Theoretical Foundations and Empirical Evidence from Bulgaria // *Vienna Yearbook of Population Research*, pp. 53–81.
- Carlson M.J., Furstenberg F.F. (2006) The Prevalence and Correlates of Multipartnered Fertility among Urban US Parents // *Journal of Marriage and Family*, vol. 68, no 3, pp. 718–732.
- Cherlin A.J., Furstenberg F.F. (1994) Stepfamilies in the United States: a Reconsideration // *Annual Review of Sociology*, vol. 20, no 1, pp. 359–381.

- Coppola L., Di Cesare M. (2008) How Fertility and Union Stability Interact in Shaping New Family Patterns in Italy and Spain // *Demographic Research*, vol. 18, no 4, pp. 117–144.
- Di Giulio P., Bühler C., Ette A., Fraboni R., Ruckdeschel K. (2012) Social Capital and Fertility Intentions: the Case of Italy, Bulgaria, and West Germany, no 2/2012, Vienna Institute of Demography Working Papers.
- Donati P. (2014) Why the Family Makes a Difference with Respect to Lifestyles // *Anthropotes*, vol. 30, no 2, pp. 545–578.
- Heineck G. (2012) The Relationship between Religion and Fertility: Evidence for Austria // *Homo Oeconomicus*, vol. 29, no 1, pp. 73–94.
- Isen A., Stevenson B. (2010) Women's Education and Family Behavior: Trends in Marriage, Divorce and Fertility // *National Bureau of Economic Research*, No. 15725, pp. 1–22.
- Keim S. (2011) Social Networks and Family Formation Processes: Young Adults' Decision Making About Parenthood, VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Kravald Ø., Rindfuss R.R. (2008) Changing Relationships between Education and Fertility: a Study of Women and Men Born 1940 to 1964 // *American Sociological Review*, vol. 73, no 5, pp. 854–873.
- Lehrer E.L. (2004) Religion as a Determinant of Economic and Demographic Behavior in the United States // *Population and Development Review*, vol. 30, no 4, pp. 707–726.
- Lyngstad T.H., Prskawetz A. (2010) Do Siblings' Fertility Decisions Influence Each Other? // *Demography*, vol. 47, no 4, pp. 923–934.
- Martin T.C. (1995) Women's Education and Fertility: Results from 26 Demographic and Health Surveys // *Studies in Family Planning*, vol. 26, no 4 pp. 187–202.
- McDonald P. (2000) Gender Equity in Theories of Fertility Transition // *Population and Development Review*, vol. 26, no 3, pp. 427–439.
- Mönkediek B., Bras H. (2018) Family Systems and Fertility Intentions: Exploring the Pathways of Influence // *European Journal of Population*, vol. 34, no 1, pp. 33–57.
- Norris P., Inglehart R. (2011) *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*, Cambridge University Press.
- Oppenheimer V.K. (1994) Women's Rising Employment and the Future of the Family in Industrial Societies // *Population and Development Review*, vol. 20, no 2, pp. 293–342.
- Peri-Rotem N. (2016) Religion and Fertility in Western Europe: Trends across Cohorts in Britain, France and the Netherlands // *European Journal of Population*, vol. 32, no 2, pp. 231–265.
- Philipov D., Berghammer C. (2007) Religion and Fertility Ideals, Intentions and Behaviour: a Comparative Study of European Countries // *Vienna Yearbook of Population Research*, pp. 271–305.
- Pikalkova S. (2003) A Third Child in the Family: Plans and Reality among Women with Various Levels of Education // *Sociologický časopis/Czech Sociological Review*, vol. 39, no 6, pp. 865–884.
- Pinnelli A., De Rose A., Di Giulio P., Rosina A. (2000) Interrelations between Partnership and Fertility Behaviours // *FFS Flagship Conference. Partnership and Fertility – A Revolution?* Brussels, Belgium, 29–31 May.
- Rijken A.J., Liefbroer A.C. (2009) Influences of the Family of Origin on the Timing and Quantum of Fertility in the Netherlands // *Population Studies*, vol. 63, no 1, pp. 71–85.
- Rindfuss R.R., Morgan S.P., Offutt K. (1996) Education and the Changing Age Pattern of American Fertility: 1963–1989 // *Demography*, vol. 33, no 3, pp. 277–290.
- Van de Kaa D. (1996) Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility // *Population Studies*, vol. 50, no 3, pp. 423–426.
- Waite L.J., Lehrer E.L. (2003) The Benefits from Marriage and Religion in the United States: a Comparative Analysis // *Population and Development Review*, vol. 29, no 2, pp. 255–275.
- Westoff C.F., Potter R.G. (2015) *Third Child: a Study in the Prediction of Fertility*, Princeton University Press.
- Wolfinger N.H., Kowaleski-Jones L., Smith K.R. (2003) Double Impact: What Sibling Data Can Tell Us about the Long-Term Negative Effects of Parental Divorce // *Social Biology*, vol. 50, no 1–2, pp. 58–76.

The Revival of Tradition, New Marriages or Network Effects: Variability of Models of Large Modern Urban Families¹²

O. BORISOVA*, I. PAVLYUTKIN**

***Olga Borisova** – Researcher, “Sociology of Religion” Laboratory, St. Tikhon’s Orthodox University. Address: 23b, Novokuznetskaya St., Moscow, 115184, Russian Federation. E-mail: onborisova@socrel.ru

****Ivan Pavlyutkin** – PhD in Sociology, Senior Researcher, “Sociology of Religion” Laboratory, St. Tikhon’s Orthodox University. Address: 23b, Novokuznetskaya St., Moscow, 115184, Russian Federation. E-mail: euhominid@gmail.com

Citation: Borisova O., Pavlyutkin I. (2019) The Revival of Tradition, New Marriages or Network Effects: Variability of Models of Large Modern Urban Families. *Mir Rossii*, vol. 28, no 4, pp. 128–151 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-128-151

Abstract

Existing studies of multi-child families portray this social group without taking into account its internal heterogeneity. Multi-child families can differ in terms of sibship and in the structure of family relations. Considering basic social demographic indicators describing such families immediately reveals that families with many children are not homogeneous and might be differentiated by the number of features such as the number of children, birth spacing and marital stability. The current study is based on a survey of 502 multi-child families in several regions of Russia. By conducting a hierarchical cluster analysis based on indicators capturing the variation of fertility and marriage patterns, the study reveals diverse types of multi-child families. Furthermore, the authors outline the key reasons for their formation and sustainability. Specifically, the study reveals 5 stable models: the planned, the traditional, the new-religious, the formal and the remarried. These types are further characterized by distinct factors that are known to shape fertility and marriage: education, religiosity and the characteristics of social networks. In the explanation of the models of multi-child families particular attention is paid to the social component of religiosity contributing to marital stability and fertility levels.

Key words: large family, models of large families, childbirth, religiosity, religious socialization, social capital

---

¹² The project was supported by the Russian Science Foundation in a form of a grant (project № 18-78-10089). The grant was given to Saint Tikhon’s Orthodox University.

References

- Balbo N., Barban N. (2014) Does Fertility Behavior Spread among Friends. *American Sociological Review*, vol. 79, no 3, pp. 412–431.
- Balbo N., Mills M. (2011) The Effects of Social Capital and Social Pressure on the Intention to Have a Second or Third Child in France, Germany, and Bulgaria, 2004–05. *Population Studies*, vol. 65, no 3, pp. 335–351.
- Balbo N., Billari F.C., Mills M. (2013) Fertility in Advanced Societies: a Review of Research. *European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*, vol. 29, no 1, pp. 1–38.
- Berghammer C. (2009) Religious Socialisation and Fertility: Transition to Third Birth in the Netherlands. *European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*, vol. 25, no 3, pp. 297–324.
- Berman E., Iannaccone L.R., Ragusa G. (2018) From Empty Pews to Empty Cradles: Fertility Decline among European Catholics. *Journal of Demographic Economics*, vol. 84, no 2, pp. 149–187.
- Bernardi L., Klärner A. (2014) Social Networks and Fertility. *Demographic Research*, vol. 30, no 22, pp. 641–670.
- Bezrukova O.N. (2008) Mnogodetnyye sem'i: zhiznennaya situatsiya [Large Families: Life Situation]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology*, no 1, pp. 100–114.
- Borisova O. N. (2017) Otsovskaya vovlechenost': individual'nye i mezhsranovye razlichiya [Father's Involvement: Individual and Cross-Country Differences]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 6(142), pp. 260–283.
- Bossard J.H., Boll E.S. (1975) *The Large Family System: an Original Study in the Sociology of Family Behavior*, Westport: Greenwood Press.
- Bühler C., Philipov D. (2005) Social Capital Related to Fertility: Theoretical Foundations and Empirical Evidence from Bulgaria. *Vienna Yearbook of Population Research*, pp. 53–81.
- Carlson M.J., Furstenberg F.F. (2006) The Prevalence and Correlates of Multipartnered Fertility among Urban US Parents. *Journal of Marriage and Family*, vol. 68, no 3, pp. 718–732.
- Cherlin A.J., Furstenberg F.F. (1994) Stepfamilies in the United States: a Reconsideration. *Annual Review of Sociology*, vol. 20, no 1, pp. 359–381.
- Churilova E.V., Gutina D.D. (2014) Razvod roditel'ev: prichiny, vliyaniye na rebenka i na vzaimootnosheniya roditel'ev i detey. Teoreticheskij obzor [Parental Divorce: Causes, Effect on Child Development and the Relations between Parents and Children. Theoretical Review]. *Demoscope Weekly*, no 615–616. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0615/analit03.php>, accessed 31.08.2019.
- Coppola L., Di Cesare M. (2008) How Fertility and Union Stability Interact in Shaping New Family Patterns in Italy and Spain. *Demographic Research*, vol. 18, no 4, pp. 117–144.
- Di Giulio P., Bühler C., Ette A., Fraboni R., Ruckdeschel K. (2012) *Social Capital and Fertility Intentions: the Case of Italy, Bulgaria, and West Germany*, no 2/2012, Vienna Institute of Demography Working Papers.
- Donati P. (2014) Why the Family Makes a Difference with Respect to Lifestyles. *Anthropotes*, vol. 30, no 2, pp. 545–578.
- Emel'yanov N. (2019) Znachenie sem'i pravoslavnogo svyashchennika v pastyrskom sluzhenii: bogoslovskij podkhod [The Significance of the Orthodox Priest's Family in a Pastoral Ministry: a Theological Approach]. *Vestnik PSTGU, Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, no 82, pp. 34–50.
- Goleva M., Pavlyutkin I. (2016) Sotsial'nye seti i rozhdaiemost' [Social Networks and Fertility]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 17, no 1, pp. 83–98.
- Heineck G. (2012) The Relationship between Religion and Fertility: Evidence for Austria // *Homo Oeconomicus*, vol. 29, no 1, pp. 73–94.
- Inglehart R. (2018) *Kul'turnaya evolyutsiya. Kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural Evolution: How People's Motivations Change and Reshape the World], Moscow: Mysl'.

- Isen A., Stevenson B. (2010) Women's Education and Family Behavior: Trends in Marriage, Divorce and Fertility. *National Bureau of Economic Research*. No. 15725, pp. 1–22.
- Karabchuk T.S., Kechetova A.P. (2017) Kolichestvo detej i semejnye tsennosti: sushchestvuyut li kogortnye razlichiya v Evrope? [The Number of Children and Family Values: Are There Any Cohort Differences in Europe?]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 5, pp. 251–270.
- Keim S. (2011) *Social Networks and Family Formation Processes: Young Adults' Decision Making About Parenthood*, VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Kravdal Ø., Rindfuss R.R. (2008) Changing Relationships between Education and Fertility: a Study of Women and Men Born 1940 to 1964. *American Sociological Review*, vol. 73, no 5, pp. 854–873.
- Lazurenko S.B., Mazurova N.V., Namazova-Baranova L.S. (2012) Mnogodetnaya sem'ya: mediko-psikhologo-pedagogicheskij aspekt izucheniya [Multi-child Family: the Medical-Psychological-Pedagogical Aspect of Study]. *Russian Pediatric Journal*, no 2, pp. 51–57.
- Lehrer E.L. (2004) Religion as a Determinant of Economic and Demographic Behavior in the United States. *Population and Development Review*, vol. 30, no 4, pp. 707–726.
- Lyngstad T.H., Prskawetz A. (2010) Do Siblings' Fertility Decisions Influence Each Other? *Demography*, vol. 47, no 4, pp. 923–934.
- Maleva T.M., Sinyavskaya O.V. (2006) Sotsial'no-ekonomicheskie factory rozhdaemosti v Rossii: empiricheskie izmereniya i vyzovy sotsial'noj politike [Social and Economic Factors of Fertility in Russia: Empirical Results and Challenges for Social Policy]. *SPERO*, no 5, pp. 70–98.
- Maleva T.M., Tyndik A.O. (2013) Potentsial rosta rozhdaemosti v Rossii: uroki megapolisa [The Potential of Fertility Growth in Russia: the Lessons of the Megalopolis]. *The Journal of the New Economic Association*, no 1(17), pp. 137–158.
- Martin T.C. (1995) Women's Education and Fertility: Results from 26 Demographic and Health Surveys. *Studies in Family Planning*, vol. 26, no 4 pp. 187–202.
- McDonald P. (2000) Gender Equity in Theories of Fertility Transition. *Population and Development Review*, vol. 26, no 3, pp. 427–439.
- Mönkediek B., Bras H. (2018) Family Systems and Fertility Intentions: Exploring the Pathways of Influence. *European Journal of Population*, vol. 34, no 1, pp. 33–57.
- Norris P., Inglehart R. (2011) *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*, Cambridge University Press.
- Oppenheimer V.K. (1994) Women's Rising Employment and the Future of the Family in Industrial Societies. *Population and Development Review*, vol. 20, no 2, pp. 293–342.
- Pavlyutkin I.V. (2011) Otsovstvo. Rol' muzhchiny v planirovanii rozhdenij [Fatherhood. The Role of Men in Family Planning]. *Human Being*, no 2, pp. 124–132.
- Peri-Rotem N. (2016) Religion and Fertility in Western Europe: Trends across Cohorts in Britain, France and the Netherlands. *European Journal of Population*, vol. 32, no 2, pp. 231–265.
- Philipov D., Berghammer C. (2007) Religion and Fertility Ideals, Intentions and Behaviour: a Comparative Study of European Countries. *Vienna Yearbook of Population Research*, pp. 271–305.
- Pikalkova S. (2003) A Third Child in the Family: Plans and Reality among Women with Various Levels of Education. *Sociologický časopis/Czech Sociological Review*, vol. 39, no 6, pp. 865–884.
- Pinnelli A., De Rose A., Di Giulio P., Rosina A. (2000) Interrelations between Partnership and Fertility Behaviours. *FFS Flagship Conference. Partnership and Fertility – A Revolution?* Brussels, Belgium, 29–31 May.
- Prokof'eva L.M., Kupriyanova E.I. (2009) Mnogodetnaya sem'ya v Rossii [Multi-child Family in Russia]. *Demoscope Weekly*, no 373–374. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema03.php>, accessed 31.08.2019.
- Prutskova E.V. (2015) Svyaz' religioznosti i tsennostno-normativnykh pokazatelej: factor religioznoj sotsializatsii [The Association of Religiosity with Norms and Values. The Factor of Religious Socialization]. *Vestnik PSTGU, Serie I: Theology*, no 3(59), pp. 62–80.
- Rijken A.J., Liefbroer A.C. (2009) Influences of the Family of Origin on the Timing and Quantum of Fertility in the Netherlands. *Population Studies*, vol. 63, no 1, pp. 71–85.

- Rindfuss R.R., Morgan S.P., Offutt K. (1996) Education and the Changing Age Pattern of American Fertility: 1963–1989. *Demography*, vol. 33, no 3, pp. 277–290.
- Roshhina Ya.M. (2018) Rol' religii v zhizni rossiiyan [The Role of Religion in the Life of Russians]. *The Russian Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE)*, vol. 8, Moscow: HSE, pp. 100–112.
- Sinyavskaya O.V. (2010) Sotsial'nyj kapital i gendernoe ravenstvo v ob'yasnenii rozhdachnosti v Rossii [Social Capital and Gender Equity in the Explanation of Low Fertility in Russia]. *Demoscope Weekly*, no 421–422. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0421/analit02.php>, accessed 31.08.2019.
- Shevchenko I.O., Shevchenko P.V. (2005) Bol'shaya sem'ya – kakaya ona? [The Large Family: What Is It?]. *Sociological Studies*, no 1, pp. 95–101.
- Shtainberg I.Ye. (2009) Protseess institutsionalizatsii setej sotsial'noj podderzhki v mezhsemejnykh i družeskikh obmenakh [Institutionalization of Support Networks in the Inter-Family and Friendly Exchanges]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 10, no 2, pp. 62–75.
- Van de Kaa D. (1996) Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility. *Population Studies*, vol. 50, no 3, pp. 423–426.
- Voronin G.L. (2016) Mnogodetnye sem'i v Rossii: uroven' sotsial'no-ekonomicheskogo blagosostoyaniya [Large Families in Russia: the Level of Social and Economic Well-being]. *The Russian Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE)*, vol. 6, Moscow: HSE, pp. 164–181.
- Vovk E. (2007) Mnogodetnost' kak tsennost' i praktika: obrazy mnogodetnykh semej [Multi-child Family as a Value and Practice: the Images of Large Families]. *Sotsial'naya real'nost'*, no 1, pp. 33–46.
- Vrublevskaya P.V. (2016) Krugovorot detskikh veshchej v prikhodskoj tserkvi: k voprosu o znachenii daroobmena [The Circulation of Children's Possessions in an Orthodox Parish: On the Significance of the Gift Exchange Theory]. *Researches in Religious Studies*, no 1, pp. 103–127.
- Waite L.J., Lehrer E.L. (2003) The Benefits from Marriage and Religion in the United States: a Comparative Analysis. *Population and Development Review*, vol. 29, no 2, pp. 255–275.
- Westoff C.F., Potter R.G. (2015) *Third Child: a Study in the Prediction of Fertility*, Princeton University Press.
- Wolfinger N.H., Kowaleski-Jones L., Smith K.R. (2003) Double Impact: What Sibling Data Can Tell Us about the Long-Term Negative Effects of Parental Divorce. *Social Biology*, vol. 50, no 1–2, pp. 58–76.
- Yarskaya-Smirnova E.R. (2010) «Da-da, ya vas pomnyu, vy zhe u nas neblagopoluchnaya sem'ya!». Diskursivnoe oformlenie sovremennoj rossijskoj semejnoy politiki [“Yes, I Remember You, You Are the Disadvantaged Family!”. The Discursive Framing of the Modern Russian Family Policy]. *Woman in Russian Society*, no 2, pp. 14–25.
- Zabaev I.V., Emeljanov N.N., Pavlenko E.S., Pavlyutkin I.V. (2012) *Sem'ya i detorozhdenie v Rossii. Kategorii roditel'skogo soznaniya* [Family and Childbearing in Russia. The Types of Parental Conscientiousness], Moscow: PSTGU.
- Zabaev I.V., Melkumyan E.B., Oreshina D.A., Pavlyutkin I.V., Prutskova E.V. (2013) Vliyanie religioznoj sotsializatsii i prinadlezhnosti k obshchine na rozhdachnost'. Postanovka problemy [The Impact of Religious Socialization and Belonging to a Religious Community on Fertility. A Problematization]. *Demoscope Weekly*, no 553–554. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0553/analit03.php>, accessed 31.08.2019.
- Zabaev I.V., Oreshina D.A., Prutskova E.V. (2014) Sotsial'nyj kapital russkogo pravoslaviya v nachale XXI v.: issledovanie s pomoshch'yu metodov sotsial'no-setevogo analiza [The Social Capital of Russian Orthodox Christianity in the Early 21st Century: An Application of Social Network Analysis]. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, vol. 32, no 1, pp. 40–66.
- Zakharov S., Churilova E., Agadjanyan V. (2016) Rozhdachnost' v povtornykh soyuzakh v Rossii: pozvolayet li vstuplenie v novyj supružeskij soyuz dostich' ideala dvukhdetnoj sem'i? [Fertility in Higher-Order Marital Unions in Russia: Does a New Partnership Allow for the Realization of the Two-Child Ideal?]. *Demographic Review*, vol. 3, no 1, pp. 35–51.